

ЗАМЕНА ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА АРТИКЛЯ *uns, unes* ФОРМОЙ *des*

Д. ЧЕБЯЛИС

Французский язык IX—XVI вв. был свидетелем значительных сдвигов в функционировании множественного числа приименных детерминативов. Под давлением языковой системы в указанный период существовало и функционировало множественное число от всех детерминативов, в том числе от артикля *un, une — uns, unes* и от *du, de la — des*. Множественное число артикля *un* представляет собой специфическую проблему¹. *Unus* по грамматической и семантической природе является представителем идеи единичности. Идея множественности возможна лишь за пределами его грамматического и семантического поля в представлениях других семантических и грамматических единиц. Идея множественного числа должна быть понята, по всей вероятности, как разрушение континуума, как прерывность, которая состоит из множества непрерывных элементов². Свойство накопления непрерывных элементов, по мнению Р. Якобсона³, воспроизводится в языках мира добавлением морфологического аугмента к единственному числу, что просто увеличивает объем языкового элемента в соответствии с понятием механического множества. Однако в системе французского имени дело обстоит гораздо сложнее. На современном этапе множественное число в синтагме имени воспроизводится артиклем, разница между *le* и *les* состоит, возможно, в большем количестве энергии, которой требует образование фонемы *e*. Эта фонема может считаться своего рода аугментом при образовании множественного числа.

В старофранцузском языке аугмент множественного числа *s* был вполне реальным для женского рода и для *cas régime* мужского рода. Однако в момент исчезновения склонения (XIV в.) *s* перестал звучать в конце слова и стал лишь графическим знаком. В XVI в., т.е. в тот период, когда *uns, unes*

¹ Ср. нашу статью „Проблема множественного числа артикля *un*“, — Ученые записки высших учебных заведений Литовской ССР, Языковедение, XXIII (3), 1972, Вильнюс.

² G. Guillaume, *Langage et science du langage*, Paris, 1964, p. 155.

³ R. Jakobson. *À la recherche de l'essence du langage*. — In: *Problèmes du langage*, Paris, 1966, p. 30 (Diogène, n° 51).

было окончательно заменено формой *des*, морфема *s* в конце слова уже давно был мертвым звуком. Следовательно, причиной исчезновения форм *uns*, *unes* был не аугментативный характер множественного числа. Понимание множественного числа как дисконтинуитета не препятствовало его морфологическому образованию с формами *uns*, *unes*, ведь сумма $un + un_1 + \dots + un_n$ может приравняться *uns*. Однако существование *des* наряду с *uns* помогло снять системное давление, создавшееся в системе имени, не разрушая при этом самой системы.

При образовании множественного числа партитивный артикль, будучи самым поздним среди детерминативов, пользовался уже существующей формой *les*, так что *des* (*de + les*) является естественным следствием развития детерминативов, которые наделяются всеми свойственными именному элементу морфологическими признаками. Об этом свидетельствует и то, что формы множественного числа функционируют в одном ряду с формами единственного числа, где вся серия предметов или понятий должна представлять в одинаковой степени идею партитивности. Например, *auerez... de la barbe saint Pere e des chevols de sun chef* (Pèlerinage 181), *et puis si prist des flors et de l'erbe fresce et des feuilles verdes, si le loia sus au pan de sa cebisse* (Aucassin XXVI, 14). В приведенных примерах именные синтагмы в обоих числах достаточно определено указывают на некоторую часть предмета или предметов, о которых идет речь в данном тексте и выполняют функцию объекта. Следовательно, начало функционирования формы *des*, осуществленное на основании функции глагольного объекта, относится к концу XI в.

Любое множественное число предполагает исчисляемость обозначенных им предметов, явлений, понятий. Если артикль *le*, будучи самым обобщенным элементом среди детерминативов, придает именной синтагме характер неограниченной протяженности, то сочетание *de + le* ставит предел этой протяженности, в сочетании *de + les* — предел множеству, вполне определенно указывая на то, что речь идет лишь о какой-то части этого множества. Специфический партитивный оттенок в значительно меньшей мере обнаруживается в тех случаях, где функционирует лишь множественное число. Например, *Franceis furent as cambres si unt beuz des vins* (Pèlerinage 447), *a saint Nicolai commenche a sonner des cloketes* (Feuillée 1099), *et sachez qu'elle fait a son amy cent chouses, et monstre des secretz d'amours* (XV Joyes 5).

Следует отметить, что партитивное образование *des* в синтагме множественного числа в отличие от *du* и *de la* в синтагме единственного числа как в самых ранних примерах из Pèlerinage (XI в.), так и в поздних из Jehan, XV Joyes (XV в.) конструируется и с конкретными, и с абстрактными существительными, между тем как в единственном числе в партитивных синтаг-

мах преобладают существительные, обозначающие аморфные вещества. Можно полагать, что множественное число, подвергая существительное исчислению, оказывается способным „опредмечивать“ даже абстрактное понятие. Такое „опредмечивание“ приводит к перестройке того основания, на котором зиждилось функционирование артикля *le*. Форма множественного числа *les* предполагает просто множество без каких-либо других оттенков. Присутствие же элемента *de* в форме *des* предполагает ограниченное множество, но эта ограниченность лишена какого-либо определения или уточнения. Последнее свойство синтагмы с *des* наблюдается в других синтаксических функциях более рельефно, чем в объекте. Например, *or dit saint Ancaumes que ce sont des menaces Nostre Seignour* (Joinville 40), *ces tyrans sont des loups, car...* (Aubigné I, 601). В функции именной части сказуемого форма *des* тяготеет более отчетливо, чем в функции объекта, партитивный характер и указывает просто на некоторое множество предметов или понятий, составляющих ее синтагму. Примеры с *des* в именной части сказуемого вовсе отсутствуют в ранних памятниках. Первый обнаруженный нами пример относится к началу XIV в., а последующие — к XVI и XVII вв.

Именные синтагмы с *des* в функции субъекта наблюдаются несколько раньше, чем в функции именной части сказуемого, а именно, в конце XII или начале XIII вв.: *et par vive force monterent des chevaliers sor les eschieles* (Villehardouin 171); в XIV в.: *et les tindrent après des hoirs de comte Henri qui tindrent Champaigne* (Joinville 92), где наречие *après* является обстоятельством времени и все предложение означает — „затем этими землями владели наследники графа Генриха, которые владели Шампаньей“. (Снейдерс де Фогель считает *des hoirs* партитивной синтагмой субъекта, хотя, как кажется, увидеть какой-нибудь партитивный оттенок в данном случае довольно трудно⁴.)

Характерной чертой субъектной синтагмы с *des* можно считать то, что она появляется в функции субъекта весьма редко в чистом виде. Довольно часто она подвергается разного рода ограничениям — это либо безличные конструкции, либо сравнения, относящиеся к субъекту, либо просто предложения без глагола. Эти ограничения получили обоснование в развитии грамматической формы всей именной системы. Форма *des* — чужая для функции субъекта, поэтому она с таким трудом пробивает себе путь к качеству нормативной формы для синтагмы субъекта. В аналогичном положении находится синтагма именной части сказуемого, так как грамматическая форма обеих функций предполагает прямой падеж. Путь для проникновения фор-

⁴ K. Sneyders de Vogel, *Syntaxe historique du français*, Groningue, La Haye, 1927, p. 22.

мы *des* в синтагмы субъекта и именную часть сказуемого открывается лишь в XIV в., когда произошел окончательный распад системы склонения и в качестве нормативной формы для именного элемента во всех функциях установилась форма косвенного падежа.

С грамматической формой связана еще одна черта идеи партитивности: она более однородна в единственном числе, чем во множественном, поэтому в партитивных синтагмах единственного числа преобладают существительные, характеризующиеся как аморфные, между тем как в синтагмах множественного числа с формой артикля *des* присутствуют самые разнообразные существительные, среди которых аморфные вещества или абстрактные понятия занимают лишь незначительную часть. Это отличие грамматических чисел в языковом оформлении партитивности имеет обоснование, по всей вероятности, в том, что само понятие множественного числа является несовместимым с понятием аморфности, так как множественность подразумевает исчисляемость, а исчислять можно лишь те предметы или явления, которые как-то отграничиваются от им подобных, т.е. они облечены в какую-то форму. Следовательно, сама идея партитивности в языке связана скорее с единственным числом, чем со множественным, поэтому современный французский язык обладает выражением идеи партитивности лишь в единственном числе.

Отличие между формами *les* и *des* сводится, вероятно, к тому, что *les* указывает просто на идею множества, а *des* — на идею ограниченного множества, но для выражения ограниченного множества служили также формы *uns, unes*. Таким образом, формы *uns, unes* и *des*, будучи совершенно различного происхождения, сблизилась в их функционировании. Однако в форме *des* оттенок партитивности постепенно стирался. Так, в XVI в. *des* начинает сочетаться с предлогами, например, *sous des monceaux de fer dans ses armes l'enterre* (Régnier I, 12), *Apollon est gesné par des sauvages loix* (RégnierIV, 37), *si je suis enclin à des humeurs qu'eviter je ne puis* (Régnier V, 43). В приведенных примерах любая идея партитивности является несуществующей, так как форма *des* функционирует в них уже как коррелят множественного числа для форм *uns, unes*. Окончательное утверждение формы *des* означает вместе с тем и окончательный разрыв с идеей партитивности. Следует отметить, что мы не обнаружили ни одного примера форм *du, de la* в какой-нибудь синтагме с предлогом, что говорит о чрезвычайной ограниченности употребления специфической функции партитивного артикля. Причем в формах *du, de la* основа идеи партитивности элемент *de* сохранил функциональную значимость, между тем как в форме *des* элемент *de* полностью потерял первоначальную значимость и поэтому *des* мог сочетаться с любым предлогом и занять место исчезающих *uns, unes*.

Итак, в период IX—XVI вв. под давлением языковой системы все детерминативы существительного образовали множественное число, в том числе артикли *un, une* и *du, de la*. Однако множественное число последних функционировало в довольно специфических условиях. Именно, для *uns, unes* характерно сопутствовать существительным, воспроизводящим предметы, существующие в действительности, парами или в определенной совокупности (*pluralia tantum*). Для *des*, появившегося в первую очередь в функции объекта, характерна в самом начале партиитивность. Таким образом, *uns, unes* и *des* на начальном этапе своего функционирования служили для выражения ограниченного множества, между тем как *les* выражал неограниченное множество. Затем давление языковой системы оказалось столь сильным, что *uns, unes*, правда, весьма редко, но могли появиться также и в тех случаях, когда ни лексическое содержание, ни контекст не налагали каких-либо ограничений на существительные. *Des*, переходя в синтагму субъекта и именной части сказуемого, стал терять специфику партиитивности и приближаться к неограниченному множеству, но с некоторым оттенком неопределенности. Идея чего-то ограниченного сблизила *uns, unes* и *des* в их функционировании, но, поскольку грамматической и семантической природе *uns, unes* выраженные множественности противоречило больше, чем такой же природе *des*, формы *uns, unes* исчезли и их место занял *des*, в состав которого входил элемент *les*, представляющий идею неопределенного множества. Специфическая идея партиитивности сохранялась лишь в единственном числе, а форма *des*, в которой стерлось первоначальное значение элемента *de*, характеризующего Г. Гийомом как *inverseur* экстенсивного движения *les*, в XVI в. перешла в разряд артикля *un, une* для выражения его множественного числа.

Vilniaus V. Kapsuko
universitetas
Prancūzų kalbos katedra

Iteikta
1974 m. rugsėjo mėn.

Сокращения

- Aubigné — Agrippa d'Aubigné. Les Tragiques, édition critique avec introduction et commentaire par A. Garnier et J. Plattard. Paris, 1932 (STFM).
- Aucassin — Aucassin et Nicolette. Chantefable du XIIIe siècle, éd. par M. Roques, Paris, 1925 (CFMA).
- Feuillée — Adam le Bossu, Trouvère artésien du XIIIe siècle. Le Jeu de la Feuillée, édité par Ernest Langlois. Paris, 1923 (CFMA).
- Jehan — Le roman de Jehan de Paris, publié d'après les manuscrits par Edith Wickersheimer, Paris, 1923 (SATF).
- Joinville — Histoire de Saint Louis par N. de Wailly, Paris, 12e édition.

- Pèlerinage – Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel, ein altfranzösisches Heldengedicht hrsg. von E. Koschwitz und G. Thureau. 6 e Auflage, Leipzig, 1913 (Altfr. Bibliothek Bd. 2).
- XV Joyes – Les Quinze Joyes de Mariage. Nouvelle édition, accompagnée de Notes et d'un Glossaire. Paris (Nouvelle collection Jannet-Picard).
- Régnier – Mathurin Régnier. Oeuvres complètes, texte établi et présenté par Jean Plattard. Paris, 1930 (STFM).
- Villehardouin – Geoffroi de Villehardouin. La Conquête de Constantinople. Ed. et trad. par Edmond Faral, t. 1–2, Paris, Les Belles-lettres, 1938–1939.

LA SUBSTITUTION DES FORMES *uns, unes* DU PLURIEL PAR LA FORME *des*

Résumé

Sous la pression du système de la langue l'ancien français avait formé le pluriel de *un, une* : *uns, unes* et de *du, de la-des*. Le fonctionnement de ces formes s'effectuait dans des conditions spécifiques, à savoir là où il s'agissait d'exprimer le pluriel de limitation. Les formes *uns, unes* refusant le pluriel par leur nature sémantique et grammaticale, d'une part, et dans la forme *des* prédominant l'élément *les* qui servait à l'expression du pluriel extensif d'autre part, *uns, unes* finissent par être remplacés par la forme *des*.